ПОЕТ БОРИС ШТОКОЛОВ

НЕРЕДКО на театральных афишах различных городов нашей страны в теле- и радиопрограммах можно увидеть короткое и даже несколько будничное объявление: «Поет Борис Штоколов». Но в душе тех, кто хоть однажды слышал этого певца, простые слова отзовутся эхом когда-то познанной радости.

Борис Штоколов, будучи еще студентом второго курса Свердловской консерватории, начал петь на сцене местного оперного театра, и вскоре стал его солистом. Здесь им была создана галерея вокально-сценических образов: Гремин из «Евгения Онегина» П. И. Чайковского, Борис Годунов из одноименной оперы М. Мусоргского, дон Базилио из «Севильского цирюльника» Дж. Россини и многие другие. В 1959 году Штоколов получает приглашение в Ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова. Его репертуар пополняется новыми партиями — Иван Сусанин и Руслан в операх М. Глинки, Демон в одноименной опере А. Рубинштейна, Мефистофель в «Фаусте» Ш. Гуно. Не менее известен Борис Штоколов и как исполнитель камерных произведений. Об этом хотелось бы поговорить подробнее.

Как-то он сказал: «Мне хочется открыть в том, что давно открыто, самое сокровенное, докопаться до самых тайников». Эти слова можно поставить эпиграфом ко всей творческой деятельности певца. Над небольшими вокальными произведениями он работает с такой же мерой самоотдачи, как и над оперными партиями, стараясь и в малом жанре найти и покорить высоты, чтобы потом привести к ним своих слушателей. Например, романс Е. Шашиной на слова М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» — произведение камерное. Но сам поэтический материал выходит за эти рамки, благодаря глубине философской мысли, тематической широте. Это как раз и старается донести Штоколов до нас. В его исполнении романс приближается к симфоническому произведению. В голосе певца слышится не просто жалоба одинокого человека, мы чувствуем скорбь, трагедию человеческой личности с ее высокими порывами и несбывшимися надеждами. На фоне торжественной мелодии, создающей величественную картину мироздания, звучит пронзительная мелодия одиночества.

С такой же четкостью раскрывает перед нами Штоколов драматургию и таких произведений как «Элегия» Массне, есенинское «Письмо к матери», положенное на музыку В. Липатовым. Есенинское произведение многие певцы включали в свой репертуар, однако никто из них не добился такого выразительного, такого проникновенного исполнения, какое свойственно Борису Штоколову. Кое-кто из певцов, увлекаясь цыганской манерой, превращает монолог сыновьей откровенности в слезливую исповедь кабацкого завсегдатая. Штоколов относится к этому произведению очень бережно, с большой ответственностью, стараясь раскрыть все многообразие чувств человеческого сердца, высветить его самые далекие глубины. Причем делает это без грубого выпячивания того сокровенного, чем полнится и чем жива душа. Штоколов скромен и сдержан в показе этих чувств. И хоть голос певца звучит порою во всю свою мощь, в его пении мы не видим ни чрезмерности, ни наигранной крикливости. Напротив, создается впечатление, что все это высказано в полголоса, настолько мягка и доверительна его вокальная интонация. Вот на ней, на этой интонации, и строится весь монолог. Да иначе и нельзя разговаривать с матерью, существом самым родным, чья близость не ослабевает и на расстоянии. Уж кто-кто, а мать всегда услышит слово сына, даже если оно будет произнесено шепотом.

«Письмо к матери» наполнено напряженным эмоциональным звучанием: сыновняя нежность, ощущение вины перед матерью, робкое стремление как-то оправдать себя в ее глазах, горечь невосполнимых утрат — вот штрихи, из которых состоит это произведение. И Штоколов прекрасно отретушировал каждый из них. То мастерство, с которым он использует вокальные полутона, паузы, его умение интонационно выделить едва заметный вздох, подавленный стон — помогает нам почувствовать самые тончайшие оттенки заложенных в этом произведении чувств.

Впрочем, Борис Штоколов не просто комментирует чьи-то чувства, он живет ими. Потому и голос его то мягок и задушевен, то вдруг зазвенит с надрывом, и слезы подступят к глазам, а то вдруг станет глухим, словно придавлен тяжестью боли. И мы забываем о певце, мы видим перед собою человека, страдающего и любящего, виноватого и беззащитного. Каким же высоким мастерством нужно обладать, чтобы суметь создать живой образ в небольшом вокальном произведении! И обо всем, что мы узнали и что стало для нас дорогим, певец поведал ненавязчиво, с удивительным тактом. Эти свойства и составляют отличительную черту исполнительского искусства Бориса Штоколова.

Н. МИРОЩНИЧЕНКО.

Комсомолец Донбасса г. Донецк 7 АПР 1973